

«Неужто только ради красоты?..»:
«Семен Андреич» и «Цыгановы» Давида Самойлова –
эпический диптих

Светлана С. Бойко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlana-boyko@yandex.ru*

Аннотация. В центре стихотворения Давида Самойлова «Семен Андреич» и маленькой поэмы «Цыгановы» – образ крестьянина, который, по авторскому замыслу, обнаруживает «мощную специфику своего духа». Цельная и многогранная личность героя близка рассказчику-интеллигенту в нравственном отношении. В статье мы рассматриваем общие особенности эпического и лирического начал, отмеченные уже в критике рубежа 1970–1980-х гг. На уровне художественного мира это законы мироздания и образы традиционного уклада жизни, которые мыслятся как неизменные. Связь человека с миропорядком воспринимается героями положительно. Материальная основа бытия описана как ценность. Важен многозначный образ коня как предмета любви, как воплощения прекрасного и как проявления изменчивой материи. Разнообразные приемы подчеркивают сближение рассказчика с инокультурным героем. Присутствуют темы мужской дружбы и супружеской любви и согласия. Смерть героев, не достигших старости, предстает как часть жизненного круга. Поэт рисует героев в обстановке войны и мира, прибегая к героической и идиллической эмоциональности, что дает возможность осветить разные грани образа. В финале обоих произведений прекрасное выступает в качестве категории, которая может, по мысли персонажей, оправдать противоречивую жизнь как целое. Нравственный авторитет крестьянина-воина позволяет поэту подтвердить эту свою гипотезу о смысле бытия.

Ключевые слова: русская крестьянская культура, гармония, жизнь и смерть, духовная цельность, героика, идиллическая эмоциональность

Для цитирования: Бойко С.С. «Неужто только ради красоты?..»: «Семен Андреич» и «Цыгановы» Давида Самойлова – эпический диптих // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 10. С. 75–87. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-75-87

“Is it really just for the sake of beauty?..
David Samoilov’s “Semyon Andreevich”
and “The Tsyganovs” as an epic diptych

Svetlana S. Boyko

*Russian State University for the humanities
Moscow, Russia, svetlana-boyko@yandex.ru*

Abstract. In the focus of David Samoilov’s poem “Semyon Andreech” and the little poem “The Tsyganovs” is a peasant who according to the author’s idea, discovers “the powerful specifics of his mind”. The integral and complex personality of the hero is morally close to the narrator-intelligent. The article considers the common features that combine the two works into an epic diptych. It is a combination of the epic and lyric, noted already in the criticism of the turn of the 1970s and 1980s. At the level of the artistic world, these are the laws of the universe and images of the traditional way of life, which are thought of as unchangeable. The characters positively perceive their inextricable connection with the world order. The material basis of existence is described as a value. The ambiguous image of a horse acts as an object of love, as the personification of beauty and as a manifestation of changeable matter. Various techniques emphasize the rapprochement of the intellectual narrator with the bearer of a different cultural code. There are themes of male friendship and marital love and harmony. The death of heroes who have not reached old age appears as part of the life cycle. The poet depicts heroes in an environment of war and peace, resorts to heroic and idyllic pathos, illuminating different sides of the image. In the finales of both works, the beauty emerges as a category that can, as the characters think, justify the contradictory life as a whole. The moral authority of the peasant warrior allows the author to confirm his hypothesis about the meaning of existence.

Keywords: Russian peasant culture, harmony, life and death, spiritual integrity, heroics, idyllic pathos

For citation: Boyko, S.S. (2024), “ ‘Is it really just for the sake of beauty?’ David Samoilov’s ‘Semyon Andreevich’ and ‘The Tsyganovs’ as an epic diptych”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 75–87, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-75-87

Воспоминания о Великой Отечественной войне занимают значительное место в наследии Давида Самойлова (1920–1990) – поэта-мыслителя, филолога, летописца своего поколения и фронтовика-добровольца. Особую роль в его размышлениях играют фигуры героев-крестьян – однополчан и друзей. Знакомство

с ними дало повод для рассуждений о «русской народной культуре», которая «в наше время почти стерлась с исчезновением ее носителей – крестьян» [Самойлов 2000, с. 204].

Самойлов-мыслитель сопрягает подвиг героя-крестьянина на Великой Отечественной войне с общим ходом исторического развития России. С коллективизацией в 1929–1933 гг. крестьянство, как известно, лишилось экономической основы своего существования «как класса». Но многие люди, из которых слагался этот «класс», были живы и, оказавшись на войне, могли проявить свою внутреннюю суть:

Уход с исторической арены народа-мужика стал высоким финалом крестьянской трагедии. Действующее лицо этой трагедии – народ-мужик – в последний раз показал мощную специфику своего духа [Самойлов 2000, с. 201].

Поэт полагал, что подвиг «народа-мужика» достоин «самого высокого воспевания и достойно воспет, пожалуй, одним лишь Твардовским» [Самойлов 2000, с. 202].

Д. Самойлов указывал также на глубоко укорененную, по его мнению, духовную близость крестьянства и интеллигенции:

После революции, когда разгромлены или повергнуты в бегство были духовная элита, дворянство, священство, оставались реально два класса, сохранившие духовную преемственность, – рабочая интеллигенция и крестьянство. <...> Сходились эти две среды хранителей русской культурной традиции в понимании нравственности [Самойлов 2000, с. 82].

Рассмотрим два поэтических произведения, в основе которых лежат изложенные Самойловым взгляды. Это стихотворение «Семен Андреич» (1946), вошедшее в первый сборник поэта «Ближние страны» (1958), и маленькая поэма «Цыгановы», которая публиковалась фрагментами в 1971–1977 гг., а полностью вошла в сборник «Весть» (1978). Главный герой обоих произведений – крестьянин, участник войны. В обоих присутствует тема мужской дружбы и взаимопонимания.

Духовная близость поэта и его героя определилась в суровых фронтовых обстоятельствах:

Единственным человеком в расчете, для которого духовные начала и знания были предметом постоянного уважения и восхищения, был Семен Андреевич Косов, алтайский пахарь [Самойлов 2000, с. 202].

Произведение, посвященное С.А. Косову, отражает размышления поэта о народе: «Кроме описания боя в него вошел рассказ о военном быте, а из описания быта вырастал образ России» [Баевский 1986, с. 77].

А.М. Зверев полагал, что стихотворение «Семен Андреич» «выразило авторское понимание уроков войны всего точнее». Важнейший из этих уроков для студента-ифлийца – это «пришедшая на Волховском фронте способность разделять понятия и душевное состояние народной среды», что исследователь правомерно сопоставляет с переворотом Пьера Безухова «в похожих обстоятельствах». Молодой поэт Самойлов – тогда еще Дэзик Кауфман – испытывал при этом «желанное ощущение цельности» [Зверев 1996], что создавало у него жизнеутверждающий настрой. «Событие войны» напоминало поэту «о преобладании обязанностей над правами» [Самойлов 2000, с. 188], то есть, по мысли исследователя, «закрепило воспитание на системе понятий, относящихся к области вечного» [Зверев 1996].

«Желание стать солдатом, стать как все ... добровольно утратить лицо и усилием воли, веры и долга обрести его в новом качестве» [Самойлов 2000, с. 188–189] – этим определялись и поступки поэта, и мироощущение героя-рассказчика рассматриваемых нами произведений.

Стихотворение «Семен Андреич»¹ открывают три строфы описания тяжелых фронтовых будней: гибель трех батальонов в попытке взять Синявинские высоты, расстрел бойца, который «не был героем. / Бежал», вид убитого, лежащего на снегу.

Четвертая строфа, вопреки трагичной экспозиции, звучит жизнеутверждающе, поскольку собственное «ощущение цельности» соответствует избранной норме: «И все же были такие минуты, / Когда, головой упав на мешок, / Думал, что именно так почему-то / Жить особенно хорошо».

Оптимизм героя подкрепляется дружбой с Семеном Андреичем. В девяти строфах искусно перемежаются разнородные составляющие образа Семена: описания «духовных начал и знаний», проявления фронтовой дружбы, внешние действия.

Описание дружбы начинается с темы единомыслия и доверия: «И мне доверяла дружба святая / Письма писать Пелагее Петровне. / Он их отсылал не читая». Грамотный и умный друг, по мысли

¹ Самойлов Д. Стихотворения / Вступ. ст. А.С. Немзера; сост., подгот. текста В.И. Тумаркина; примеч. В.И. Тумаркина и А.С. Немзера. СПб.: Академический проект, 2006. С. 63–65 (Новая библиотека поэта). Далее стихотворение цитируется по этому изданию.

Семена, сам «пропишет как надо». Общее для них состояние – «живем, не тужим» – мыслится как единственно важное в сообщении.

На фоне утвержденного духовного родства описана чисто физическая взаимная поддержка: «С тобой мы полгода друг друга грели». А также и внешние действия героя: «Семь раз в атаку ходил без страха, / И пули тебя, как святого, жалели». В контексте внешних действий видим, как открывается лейтмотив праведничества.

Четыре центральные строфы рассказчик посвящает картине мира, присущей сознанию Семена Андреича.

В зачине воспоминание героя о конях пронизано любовью: «ты рассказывал, как о любви, / Что кони, тонкие, словно руки, / Скачут среди степной травы». Кони будут упомянуты еще дважды, как образ непосредственности в бытовании фольклора: глазами Семена («Ты думал, что песни живут, как кони») – и глазами рассказчика, который предвидит, что подвиг будет воспет народом («И песни будут ходить, как кони»). «Песни», уподобленные коням, предстают как часть жизненного круга, а не как продукт личного творчества.

Следующая строфа – о традиционном порядке крестьянской жизни: «Какие бывали крестины и свадьбы, / Как в девках жила Пелагея Петровна». Указано на реалии, незнакомые рассказчику-поэту, но показавшиеся ему важными.

Далее поэт обращается к деревенскому пейзажу. Это тема обоюдно понятная, и он не только указывает, но и живописует: «Зори – красными петухами. / Ветер в болоте осоку режет».

Четвертая «портретная» строфа касается искусства, которое в крестьянском сознании мыслится как народное творчество: «Ты думал, что книги пишут не люди». Изображение крестьянской картины мира завершается темой извечного, неизменного бытия, в котором пребывают песни, кони, колокольный звон: «Что так оно было, так и будет, / Как в детстве думал про звон колокольный...»

Описание культурного типа с его традиционностью и постоянством сменяется обращением к давнему другу: «Счастлив ли ты? Здоровый? Живой ли?» Экспрессия этих возгласов выводит из мира упорядоченности в мир изменчивости и неразберихи – к воспоминанию о событиях боя, последнего общего для двух героев.

Семен в бою показан как заботливый друг, умеющий действовать по обстоятельствам, невзирая на нехватку чего-либо необходимого, в данном случае – медицинского жгута и перевязочных материалов: «Помнишь, как ты разорвал рубаху / И руку мне перетянул до боли!»

За эпизодом перевязки идет двустийшие про неудачный бой: «Помнишь? Была побита пехота / И мы были двое у пулемета». Следующая строфа «по-обычному просто» говорит о самоотверженном решении друга: «– Ступай. Ты ранен. (Вот нынче мороз-то!) / А я останусь, покуда жив». Кульминация определяется фактами.

В финальных четырех строфах героический пафос будет передан уже средствами литературной экспрессии: обращением, эпитетами («Мой друг Семен, неподкупный и кровный»), описанием песен, красочного деревенского пейзажа и юных красавиц, которые будут воспевать героя.

Итак, в стихотворении «Семен Андреич» сопоставлены два образа мира: мир пахаря и мир поэта. О себе рассказчик сообщает только, что «бредит стихами», и с радостью перенимает от друга во многом новые для себя представления.

В финале оппозиция личного и народного творчества снимается: «Девушки в золотистых косах / Споют ... / Про то, как Семен Андреич Косов / Один остался у пулемета. // и песни будут ходить, как кони», – то есть бытовать как фольклор. Сам рассказчик обещает сложить «такую песню, чтобы, сложенная о народе, она вернулась к народу» [Баевский 1986, с. 77].

Гармоничное сочетание двух образов мира становится итогом произведения.

Ко времени публикации сборника «Весть» (1978), в который вошла поэма «Цыгановы»², Самойлов пользовался среди подготовленных читателей и квалифицированных критиков и филологов заслуженной славой одного из крупнейших поэтов современности, и произведения его получали точную оценку.

Жанровые особенности «Цыгановых» были выявлены в контексте обширного корпуса русских поэмов середины – второй половины XX в.:

...эпос вбирает в себя лирическую стихию, изыскивая новые возможности воссоздания эпической картины мира [Коваленко 1989, с. 5].

По мнению ученого, «стремление к изначальной природной гармонии» получает

² Самойлов Д. Поэмы. М.: Время, 2005. С. 100–109 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках с указанием страницы).

...«программное» выражение в эпическом произведении «Цыгановы», повествующем о крепкой крестьянской династии, передающей из поколения в поколение основы этики народного бытия [Коваленко 1989, с. 146].

Соединение эпического и лирического начал отмечалось и по отношению к сборнику «Весть» в целом: «Лирическая весть, но вобравшая в себя ощущение истории и переживание текущего, изменчивого времени» [Шайтанов 1978, с. 253].

Был отмечен еще ряд инвариантных особенностей поэтики Самойлова: «Конфликт между острой влюбленностью в жизнь и ощущением, что жизнь эта с медлительной неотвратимостью покидает дряхлеющее тело», постановка экзистенциальных проблем: «к смерти ли готовимся, к старости ли, к мудрой ли зрелости – бог весть!» [Чупринин 1978, с. 321].

Было указано на особую роль категории прекрасного в художественном мире Самойлова, на стройную соотнесенность явлений:

Речь идет о красоте созидания, о гармонии человека с окружающим миром, который не только хрупок, но и мощен и безграничен в тайнах своих [Фрейдлин 1979, с. 177].

Была отмечена высокая значимость образов повседневного быта в самойловской картине мира:

Но именно эти обыденные дела благодаря искусству поэта предстают в их необычайной значительности... обретают ореол сурового, почти былинного эпического величия [Ратгауз 1980, с. 96].

С учетом мотивов единства человека и природы, тем крестьянского труда, быта, преемственности поколений, поэму определили как идиллию, имея в виду «не разговорное, а историко-литературное наполнение этого слова» [Баевский 1986, с. 179], с опорой на характеристику идиллии, данную М. Бахтиным.

В целом поэма «Цыгановы» была оценена как одно из вершинных достижений поэта: «Перед нами, вероятно, наиболее сильное и глубокое из произведений Самойлова, во всяком случае, лучшая его поэма» [Ратгауз 1980, с. 96–97].

К настоящему времени поэма «Цыгановы» получила адекватную оценку и подробный разбор в плане художественного мира (персонажи, художественное время и пространство, сюжет и конфликт), жанра, композиции.

Мы остановимся на особенностях, общих для поэмы «Цыгановы» и стихотворения «Семен Андреич».

В центре произведений – крестьянин-фронтовик. Он близок поэту в плане «русской культурной традиции в понимании нравственности». Мир его повседневности представляется рассказчику интересным и важным.

В обоих произведениях прославлен традиционный, упорядоченный уклад, обусловленный восприятием бытия как целого и человека, гармонично вписанного в порядок мироздания. В стихотворении таковы рассказы Семена о прежней жизни, которая «текла, как по лугу, ровно». В «Цыгановых» приметы течения жизни организуют композицию: «любовь, еда и питье, рождение детей, труд, смерть – не просто представлены... а строго структурируют главы» [Гельфонд 2012, с. 167].

Порядок мироздания мыслится как неизменный, вечный: «так оно было, так и будет» («Семен Андреич»). Цыганов в предсмертных думах перечисляет множество «проявлений естества», и в большинстве они мыслятся как вневременные:

Всегда купают коней. Всегда принимают гостей. Всегда заводят детей. Всегда колют дрова. Всегда умирают [Немзер 2005, с. 411].

Незыблемая связь человека с вечностью в обоих произведениях аксиоматична.

Связь человека с миропорядком воспринимается героями положительно. Семен Андреич, вопреки тяжести боев, говорит о себе: «живем, не тужим». Его друг-рассказчик «Думал, что именно так почему-то / Жить особенно хорошо». Очевидно, что эмоциональность исходит от персонажей, а не от военных обстоятельств. Также и эмоциональность их воспоминаний о мирном бытии – идиллична, сама возможность таких воспоминаний на фронте определяется умонастроением героев. А в «Цыгановых» идилличная эмоциональность опирается на свою естественную основу – описание устойчивой и гармонично сложенной жизни.

Упоминание о супружеской любви и согласии тоже идиллично по эмоции. Семен Андреич не только отправляет письма жене, но и вспоминает историю ее жизни. Цыгановы всегда друг с другом «жили ладно» (с. 104).

В обоих произведениях материальная основа бытия дана как ценность. Фронтные друзья «полгода друг друга грели». А в мирной жизни Цыгановых «все было мощно и огромно ... / И солнце, и телега, и петух, / И посреди двора дубовый комель» (с. 100).

Действительно, «Идиллический быт неизменно оказывается освященным высшим смыслом» [Гельфонд 2012, с. 167].

Застолье в главе «Гость у Цыгановых», в которой «преобладает сочный, фламандский, ярко жизнеутверждающий колорит» [Ратгауз 1980, с. 96], описано так красочно, что читатель воспринимает его как «эпикурейскую роскошь», которая, по мнению ученого, «заметно расходилась с гастрономической реальностью эпохи застоя» [Скворцов 2015, с. 220]. Но стол у Цыгановых прост и доступен «в эпоху застоя»: домашние соленья, борщ, картошка, жаренная на сале (в варианте «Вести» еще и яичница), блины (с. 101–102). Аппетитный вид и набор простых блюд говорят о том, что Цыганова хорошая хозяйка, под стать мужу. А «роскошная избыточность» относится к восприятию рассказчика: соленому огурцу, моченому яблоку и помидору из бочки посвящено по два стиха, а борщу – четыре с половиной, причем «благородный борщ» не просто был подан, а «посреди стола / Вознесся» (с. 101).

Яркая общая черта двух произведений – образ коня. Конь – предмет любви, Семен и говорит о нем «как о любви». Цыганов «коней любил» – таков один из итогов его жизни. Этот мотив автобиографичен. Самойлов в детстве жил в деревне 1920-х. Отец его до революции числился крестьянином, уважал крестьянский труд, знал домашних животных [Самойлов 2000, с. 53].

Отец мой с военной поры любил лошадей. И мне внушал любовь к ним... Ничего нет лучше, чем мягкие конские губы, осторожно берущие с ладони хлеб или сахар! [Самойлов 2000, с. 71].

Лошади прекрасны. Реальный прототип героя говорил о них поэтично: «образ “конь тонкий, как рука” принадлежит речи Семена Косова» [Самойлов 2000, с. 205]; это сравнение и вошло в стихи. «Цыгановы» начинаются ярким описанием коня: он огромный, коричневато-красный, мохнатоногий, густогривый. Конь ярится, взвизгивает на дыбы, сердится, смиряется «под рукою властной» (с. 100).

Образ коня многозначен. Коню уподоблено искусство. Высшая похвала «песням» – сравнить их жизнь с поступью коней: «И песни будут ходить, как кони, / По пышным травам, по майскому лугу» («Семен Андреич»). Но и образ земного бытия в целом в главе «Смерть Цыганова» (с. 106) ассоциирован с конем:

Огненный конь – символ изменчивой материи, в начале повествования на время покоряющейся Цыганову, в конце – ускользающей от него навсегда [Скворцов 2015, с. 218].

В обоих произведениях, как видим, персонажи вписаны в пейзаж. Наряду с изобразительными, фигурируют многочисленные образы звуков: колокольный звон и «звенящая» листва рощ, «Сухих поленьев сельский ксилофон... И полного полена вскрик разбойный» (с. 105) и так далее. «Проявления естества» даны в полноте цвета и звука.

Смерть героев, не достигших старости, в обоих произведениях предстает как часть жизненного круга. В стихотворении это связано с героическим пафосом: Семен остается у пулемета, спасая друга. Занемогший Цыганов отправляется на «лежак, / Где он любил болеть» (с. 107). Болезнь побуждает его сопрягать жизнь и смерть: «А что такое жизнь – минута, / А смерть навеки – на века веков» (с. 107). Герой ясно сознает, что эта болезнь – к смерти, не спорит с этим, не хочет обращаться к врачу: «– Я сам помру» (с. 108). Драматично звучит для него вопрос о смысле бытия, а не о его конечности: «Зачем я жил? <...> Зачем была война, зачем победа? <...> Зачем растет трава? / Зачем дожди идут, гудят ветра?» (с. 107–108).

Многократное «Зачем?» звучит и в неоконченной поэме Самойлова «Последние каникулы»: им задаются рассказчик и взятый в собеседники «алтарный мастер» Вит Ствош (нем. *Veit Stoß*). Во всех случаях ответ дается как предположение. В «Последних каникулах» есть две гипотезы о смысле жизни: алтарный мастер-резчик жаждет вновь узреть «свет небесный / И в наготе телесной / Его запечатлеть!», а рассказчик возносит «Моление о сыне» (с. 97).

В развязке «Семена Андреича» и «Цыгановых» воспета красота мироздания, которая мыслится как высшая ценность. Стихотворение завершается тремя строфами, воспевающими коней, «рощи, белые, как колокольни», песни, уподобленные коням, и юных красавиц, которые поют эти песни.

Цыганов, задав себе настойчивый вопрос о цели бытия («Зачем?» – спрошено 24 раза), перед смертью находит возможный ответ: высшей ценностью может быть лишь красота.

Неужто только ради красоты / Живёт за поколеньем поколень...
<...> И лишь она бессмысленно играет / В беспечных проявлениях естества?.. (с. 108).

В обоих произведениях рассказчик подчеркнуто сближает себя с героем-крестьянином. В «Семене Андреиче» он внимательно слушает друга и принимает его позицию. В «Цыгановых» отвлеченная лексика («беспечные проявления естества»), присущая сознанию образованного героя, отдается в финале персонажу-простецу. Необычность этого хода подчеркнута рассказчиком: «И вот, такие обретя слова <...>» (с. 108).

В финале поэмы голос персонажа не просто сливается с голосом автора, скорее перед нами открытый прием замещения его речи авторской, подчеркивающей всеобщность переживания [Коваленко 1989, с. 147].

В главе «Рождение сына» Цыганов дает младенцу имя Павел – такое же, как у новорожденного сына поэта.

Ментально с рассказчиком сближен не только Цыганов, но и его жена. Едва закрыв глаза мужу, она прошептала: «– Жалко, Бога нет» (с. 109). Такая мысль не вполне естественна для деревенской женщины в России «эпохи застоя». Едва овдовев, она скорее вспомнила бы о Боге, чем изрекла атеистическую декларацию. Самойлов рисует возможный, но нетипичный ход мысли своей героини, который в то же время не отдаляет Цыганову от рассказчика.

Таким образом, стихотворение «Семен Андреич» и маленькая поэма «Цыгановы» образуют эпический диптих. Их объединяет единство экзистенциальной парадигмы и элементов художественного мира. Образы и мотивы «Семена Андреича» получают в поэме дальнейшее развитие. Главную роль играет образ инокультурного героя – крестьянина, который подчеркнуто сближен с автором.

Два произведения рисуют крестьянина в разной обстановке, что дает дополнительную возможность осветить разные черты характера. В экстремальных обстоятельствах войны герой проявляет самоотверженность, в мирной жизни – гармонично включен в «проявления естества».

Сочетание идилличности и героики, представленное уже в «Семене Андреиче», делает образ многогранным. А в «Цыгановых» идилличная эмоциональность дана во множестве проявлений, что невозможно было в стихотворении на фронтовой сюжет.

Итак, в диптихе о крестьянине-воине Давид Самойлов решает по крайней мере три задачи.

Поэт создает образ цельной и многогранной личности, которая олицетворяет гармонию бытия, «показывает мощную специфику своего духа» и достойна «самого высокого воспевания». Во-вторых, создание такого образа дает поэту возможность воздать дань благодарности и любви человеку, который спас его жизнь. Наконец, авторитет цельной личности позволяет поэту подтвердить свою гипотезу о смысле бытия.

Литература

Баевский 1986 – *Баевский В.С.* Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М.: Советский писатель, 1986. 255 с.

- Гельфонд 2012 – *Гельфонд М.М.* Идиллическое и элегическое в поэзии Давида Самойлова: «Цыгановы» и «Пярнуские элегии» // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике: Сб. в честь проф. С.Г. Исакова – к 80-летию со дня рождения. Т. XII. Таллин, 2012. С. 166–176.
- Зверев 1996 – *Зверев А.* «Обратного времени ход» // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 41–64. URL: <https://voplit.ru/article/obratnogo-vremeni-hod/> (дата обращения 23 июля 2024).
- Коваленко 1989 – *Коваленко С.А.* Художественный мир советской поэмы: Возможности жанра. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Немзер 2005 – *Немзер А.* Поэмы Давида Самойлова // Самойлов Д. Поэмы. М.: Время, 2005. С. 353–464.
- Ратгауз 1980 – *Ратгауз Г.* Глубокая простота // Юность. 1980. № 2. С. 96–97.
- Самойлов 2000 – *Самойлов Д.С.* Перебирая наши даты. М.: Вагриус, 2000. 510 с.
- Скворцов 2015 – *Скворцов А.Э.* «Цыгановы» Давида Самойлова: генезис и семантика // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 2. С. 215–228.
- Фрейдлин 1979 – *Фрейдлин Людмила* [Рецензия] // Дон. 1979. № 2. С. 177–178.
- Чупринин 1978 – *Чупринин С.* Сухое пламя // Новый мир. 1978. № 1. С. 318–322.
- Шайтанов 1978 – *Шайтанов И.О.* О времени слышнее весть // Знамя. 1978. № 11. С. 251–253.

References

- Baevskii, V.S. (1986), *David Samoilov: Poet i ego pokolenie* [David Samoilov. The poet and his generation], Sovetskii pisatel', Moscow, Russia.
- Chuprinin, S. (1978), *Sukhoie plamyia* [Dry flame], *Novyi mir*, no. 1, pp. 318–322.
- Freidlin, L. (1979), [Review], *Don*, no. 2, pp. 177–178.
- Gel'fond, M.M. (2012), "Idyllic and elegiac in David Samoilov's poetry. The Tsyganovs' and Pärnu Elegies' ", *Baltiiskii arkhiv: Russkaya kul'tura v Pribaltike, Sb. v chest' prof. S.G. Isakova – k 80-letiyu so dnya rozhdeniya* [Baltic archive. Russian culture in the Baltics. Commemorating 80th anniversary of Prof. S.G. Isakov's birth], vol. XII, Tallin, pp. 166–176.
- Kovalenko, S.A. (1989), *Khudozhestvennyi mir sovetskoi poemy: Vozmozhnosti zhanra* [The artistic world of the Soviet poem. The possibilities of the genre], Nauka, Moscow, Russia.
- Nemzer, A. (2005), "David Samoilov's poems", *Samoilov D. Poemy* [Poems], Vremya Moscow, Russia, pp. 353–464.
- Ratgauz, G. (1980), *Glubokaya prostota* [Deep simplicity], *Yunost'*, 1980, no. 2, pp. 96–97.
- Samoilov, D.S. (2000), *Perebiraya nashi daty* [Going over our dates], Vagrius, Moscow, Russia.
- Shaitanov, I.O. (1978), *O vremeni slyshnee vest'* [The news of the time has become more audible], *Znamya*, no. 11, pp. 251–253.

- Skvortsov, A.E. (2015), "David Samoilov's 'The Tsyganovs'. Genesis and semantics", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*, vol. 157, book 2, pp. 215–228.
- Zverev, A. (1996), "The reverse time is running", *Voprosy literatury*, no. 3, pp. 41–64, available at: <https://voplit.ru/article/obratnogo-vremeni-hod/> (Accessed 23 July 2024).

Информация об авторе

Светлана С. Бойко, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlana-boyko@yandex.ru

Information about the author

Svetlana S. Boyko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; svetlana-boyko@yandex.ru